
Святой страстотерпец, благоверный князь Угличский, царевич Димитрий, Московский и всея России Чудотворецъ.

(Продолженіе).

Доселѣ еще не представлено точной характеристики Лжедимитрія, какъ царя. Многіе указываютъ на то, что Лжедимитрій царь обнаружилъ такія черты характера и дѣятельности, которыя не объяснимы при мысли, что это былъ бѣглый дьяконъ Чудова монастыря. Въ этомъ разѣ судятъ о Лжедимитріи исключительно по отзывамъ иностранцевъ, къ которымъ онъ оказывалъ особую благосклонность. Отзывъ Маржерета, что въ названномъ Димитріи блистало какое-то неизъяснимое величіе, ¹⁾—отзывается во всѣхъ очеркахъ иностранцевъ о его царствованіи. Маржеретъ—человѣкъ умный и наблюдательный, но правдивымъ историкомъ назвать его никакъ нельзя. Продажный воинъ, нанятый Борисомъ, онъ переходитъ къ Лжедимитрію, отъ него—къ Шуйскому, отъ Шуйскаго ко второму самозванцу, а потомъ—къ полякамъ; послѣ предлагаетъ свои продажныя услуги князю Д. Пожарскому, который не только не принимаетъ ихъ, изъ опасенія измѣны, но и воспрещаетъ ему доступъ въ русскіе предѣлы. Время Самозванца было для него лучшимъ временемъ бродяжнической его жизни и продажной службы, такъ какъ онъ сдѣланъ былъ начальникомъ тѣлохранителей. Потому то въ своихъ запискахъ и старается онъ выставить въ лучшемъ свѣтѣ этого прохо-

¹⁾ Сказ. соврем. о. Д. Самозванцѣ т. III стр. 113.

димца. Онъ, какъ бы не знаетъ никакихъ недостатковъ въ своемъ Димитріи, кромѣ неуваженія къ обрядамъ русской церкви и обычаямъ народнымъ. И это приписывается тому, что Димитрій былъ просвѣщеніе русскихъ. Искусно онъ отклоняетъ отъ Самозванца обвиненіе въ гибели жены и сына Бориса Годунова и въ подломъ поведеніи относительно дочери его. Онъ умалчиваетъ о казняхъ, бывшихъ при Лжедмитріи.

У многихъ иностранцевъ не встрѣчается никакихъ извѣстій о государственной дѣятельности Самозванца. Говоря о царствованіи Лжедмитрія, описываютъ только торжественныя въѣзды, приѣмы, пиры, увеселенія, что и придаетъ какой-то праздничный видъ царствованію его.

Ни въ лѣтописяхъ русскихъ, ни въ народныхъ былинахъ не встрѣчается ни одного не только похвального, но даже прощающаго слова въ пользу Самозванца. Между тѣмъ царствованіе Самозванца началось въ самое благопріятное для пріобрѣтенія народнаго расположенія время. Послѣ трехлѣтняго голода наступилъ богатый урожайъ годъ: народъ отдохнулъ отъ тяжкой нужды и, избавленный отъ Бориса, раздраженный несчастіями въ послѣдніе годы царствованія, радостно привѣтствовалъ новаго царя, котораго считалъ законнымъ наслѣдникомъ престола. Торжественныя церемоніи въѣзда, коронованія, бракъ Самозванца, пиры, увеселенія.— все это занимало толпу. Расточительность Лжедмитрія, его вышняя пышность, новыя постройки, приливъ иностранцевъ оживили торговлю, а потому не удивительно, если Авраамій Палицынъ замѣтилъ, что москвичи полюбили царя, радуясь о своихъ прибыткахъ; но эта любовь скоро исчезла, какъ показываетъ отношеніе народа къ убитому Самозванцу.

Въ запискахъ польскаго гетмана Жолкевскаго, принимавшаго дѣятельное участіе въ московскихъ дѣлахъ смутнаго времени, рассказана одна небольшая сцена, разыгранная въ Краковѣ, выразительно изображающая положеніе дѣлъ въ Москвѣ. Въ самомъ началѣ 1606 года туда пріѣхалъ отъ Лжедмитрія посолъ Безобразовъ извѣстить короля о вступленіи новаго царя на Московскій престолъ. Справивъ посольство по чину, Безобразовъ мигнулъ канцлеру, въ знакъ того, что можетъ поговорить съ нимъ наединѣ, и назначенному выслушать его пану сообщить данное ему князьями

Шуйскими и Голицыными порученіе попенять королю за то, что онъ далъ имъ въ царя человѣка низкаго и легкомысленнаго, жестокаго, распутнаго мота, недостойнаго занимать Московскій престолъ и не умѣвшаго прилично обращаться съ боярами; они-де не знаютъ, какъ отъ него отдѣлаться, и ужъ лучше готовы признать своимъ царемъ королевича Владислава ¹⁾. Значить причина, почему онъ скоро утратилъ любовь народа въ Москвѣ, которая досталась ему, такъ сказать, даромъ, заключалась не столько въ нѣкоторыхъ нарушеніяхъ обычаевъ русскихъ, сколько въ его отношеніи къ подданнымъ, въ его деспотическомъ управленіи, въ его гордости и вмѣстѣ съ тѣмъ въ его грязномъ нравственномъ характерѣ. Самая фізіономія Самозванца, выраженіе его лица, какъ оно изображается на портретѣ, не могли внушить къ нему симпатіи и довѣренности. Лжедимитрій смотритъ наглымъ плутомъ, который способенъ и обмануть, и ограбить.

Не справедливо говорить, что Самозванецъ съ полною довѣренностью къ подданнымъ держалъ себя въ Москвѣ, не ограждаясь особыми мѣрами осторожности. Напротивъ, онъ ~~сдѣлалъ~~ ^{сдѣлалъ} все возможное, что дѣлаютъ похитители престола для своей безопасности. При самомъ вступленіи Самозванца въ Москву болѣе семидесяти семействъ боярскихъ было сослано въ ссылку; ²⁾ прежній патріархъ Іовъ удаленъ и замѣщенъ преданнымъ Самозванцу грекомъ Игнатіемъ, безъ всякаго совѣщанія съ духовенствомъ. Масса говоритъ, что всѣ прежніе чиновники, дьяки, подьяки, конюшіе, ключники, столники, повара и слуги удалены и замѣщены тѣми, кому царевичъ довѣрялъ. Правителей по всѣмъ областямъ, городамъ, и другимъ владѣніямъ смѣнили ³⁾. Придворные служители были назначены изъ поляковъ. Главой стрѣлецкаго войска былъ преданный самозванцу Басмановъ, а подчиненные начальники и офицеры назначены по собственному выбору Самозванца. Начальникомъ стрѣлецкаго отряда, назначеннаго для охраны царя, поставленъ былъ Микулинъ.

¹⁾ Курсъ Русской Исторіи Ключевского, III 39.

²⁾ Московская Трагедія, изд. граф. С. Д. Шереметьевымъ, стр. 36.

³⁾ Сказаніе Массы и Геркмана о смутномъ времени, 159—160 стр.

который готовъ былъ по указанію Самозванца растерзать кого угодно ¹⁾. Лжедмитрій оставилъ въ Москвѣ атамана Корелу съ казаками; онъ могъ служить и защищать его и вмѣстѣ съ тѣмъ служить шпиономъ и, кажется, иногда палачемъ. Въ новомъ дворцѣ своемъ онъ устроилъ множество потаенныхъ дверей и ходовъ, удвоилъ стражу дворцовую. Недовѣряя русскимъ, набралъ изъ нѣмцевъ 300 тѣлохранителей, которые по очередно день и ночь охраняли его. Выбѣжалъ онъ въ сопровожденіи конныхъ тѣлохранителей, имѣвшихъ съ собою, кромѣ холоднаго оружія, заряженные пистолеты ²⁾.

Авраамій Палицынъ пишетъ: „Кривовѣрія же рачитель разстрига, того же бояся, еже и надъ Борисовымъ родомъ содѣяся, и во входященіи и пехожденіи дома царскаго и по граду всегда со многымъ воинствомъ бѣдѣяше, спереди же и сзади въ броняхъ текуще съ протазаны и алебарды, и со многими другими оружіи, одинъ же онъ токмо посреди сихъ; вельможи и бояре далече отъ него бяху—и бѣ страшно видѣти множество оружіи блестящихся. Нѣмецъ же и Литву хранители и стражи постави себѣ и по всемъ крѣпостямъ царскаго дому“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ обширномъ видѣ развито было шпионство: доносы влекли за собою пытки и казни. У Лжедмитрія были вездѣ шпионы, которые доносили о всякомъ неосторожномъ словѣ противъ него, какъ бы ничтожно оно не было ³⁾. Масса говоритъ: „Вообще доносили на многихъ людей. Нѣкоторые большею частью монахи и духовные, хорошо знавшіе государственныя тайны, были невоздержны въ рѣчахъ, и тѣ, на которыхъ пало подозрѣніе, или подвергались казни, или были удалены. Та же участь постигла многихъ простыхъ людей и гражданъ московскихъ. Обыкновенно ночью, тайно, пытали, убивали и казнили людей. На каждаго, что-либо промолвившаго на царя, доносили и обыкновенно лишали имущества и жизни“ ⁴⁾.

Авраамій Палицынъ говоритъ: „Отъ злыхъ же враговъ, казаковъ и холопей вси умни токмо плачуще, слова же

¹⁾ Собраніе Гос. Грам. II, 297.

²⁾ Масса 152—165.

³⁾ Геркманъ, стр. 279.

⁴⁾ Масса, 162.

рени не смѣюще; аще бо на кого нанесуть, яко растрогой нарицаеть кто, и тотъ человекъ безвѣстно погибаетъ: во всѣхъ градѣхъ Россійскихъ и въ честныхъ монастырѣхъ, и мірстїи и иноцы мнози погибоша, овїи заточенїемъ, овѣмъ же рыбная утроба гробъ бысть“.

Авраамїй Палицынъ со слезами поминаеть погубленныхъ Самозванцемъ Петра Тургенева, Феодора Калачника, дьяка Тимофея Осипова. Но это указанїе на богѣ извѣстныя лица, открыто обличавшія самозванство новаго царя. Басмановъ донесъ Самозванцу, что нѣкоторые стрѣльцы распускають о немъ дурныя слухи и онъ приказалъ въ своихъ глазахъ растерзать семерыхъ стрѣльцовъ, едвали виновныхъ въ томъ, въ чемъ ихъ обвиняли ¹⁾ Де-Ту говорить: „Димитрій старался смирить недовольныхъ; но безпрестанные допросы людей подозрительныхъ, тѣлесныя наказанія, ссылки, пытки, смертныя казни только раздражали умы и довели народъ до явнаго неповиновенія“ ²⁾. Въ иномъ сказанїи о Самозванцѣ говорится: „Обличающихъ повелѣ имати, и многимъ различнымъ мукамъ предаеть ихъ, и по дальнымъ странамъ Россійской области въ темницы затворити многихъ повелѣ, и съ великимъ утвержденїемъ заклепа, а иныхъ безъ милости смерти предаде, и вонзе страхъ и трепеть въ сердца человекъ, яко и знающему его изяццо, николиже смѣюще зрѣти, не только обличати“ ³⁾. А вотъ свидѣтельство патріарха Гермогена въ грамотѣ отъ ноября 1606 года: „Владѣя государствомъ мало не годъ, и которыхъ діаволихъ дѣлъ не дѣлалъ? И коего насилія не училилъ? Святителей съ престола свергъ, преподобныхъ, архимандритовъ, игуменовъ и иноковъ не токмо отъ паствы, но и отъ монастырей отлучилъ, священническій чинъ отъ церкви, аки волкъ разогналъ, бояръ и дворянъ, и приказныхъ людей, и дѣтей боярскихъ многихъ городовъ, гостей, и всякихъ служивыхъ и торговыхъ людей многихъ крови пролія, и смерти предаде, а у иныхъ имѣнїя, аки разбойникъ разбилъ и многимъ всякимъ женамъ и дѣтямъ блудное насилїе учинилъ“ ⁴⁾.

¹⁾ Масся, 177.

²⁾ Сказанїе современ. о Д. Самозванцѣ т. III, стр. 153.

³⁾ Времен. т. XVI. Стр. 31—32.

⁴⁾ Акты Экспед. т. 2, стр. 130.

Высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ укорялъ въ невѣжествѣ; опала грозила постигнуть каждую минуту. „Не было, говоритъ Масса, ни дьяка, ни чиновника, который бы не испыталъ на себѣ его немилости. Уча ихъ приличнымъ манерамъ и развязности, царь изломалъ объ ихъ ляжки нѣсколько палокъ ¹⁾. Имъ были назначены два дня въ недѣлю для приѣма челобитчиковъ: но вотъ что свидѣтельствовало правительству Шуйскаго: бояре и другіе люди жаловались, что онъ былъ недоступенъ, что многіе приходившіе къ нему съ просьбами были отгоняемы неучтиво отъ дверей дворца стражей, что онъ принималъ однихъ поляковъ, если и выслушивалъ просьбы русскихъ, никогда ихъ не удовлетворялъ. Онъ не останавливалъ буйство поляковъ, которые столь были наглы, что жены самыхъ знатныхъ вельможъ не смѣли явиться на улицѣ, опасаясь ихъ необузданнаго сладострастія, что многія боярыни были увлекаемы изъ домовъ, даже изъ объятій мужа. Получая непрестанныя жалобы на такую дерзость, Лжедмитрій никогда не наказывалъ виновныхъ, и во все время правленія его только одинъ полякъ былъ обвиненъ приговоромъ суда, и того поляка пехитили изъ рукъ правосудія, убивъ палача. Объ этихъ безчинствахъ поляковъ знали и въ Польшѣ ²⁾.

Самозванецъ смотрѣлъ сквозь пальцы на всѣ эти безчинства поляковъ, потому что самъ проводилъ самую развратную жизнь, о чемъ единогласно свидѣлствуютъ и иностранцы и рускіе. Онъ не щадилъ ни святости обителей иноческихъ, ни чести почтенныхъ семействъ. Самые близкіе люди къ Самозванцу были: Басмановъ, Рубецъ-Массальскій и Молчановъ, о которыхъ говоритъ Масса ³⁾, что они сообщали подлости и развратничали. Что благородство чуждо было душѣ Самозванца, видно изъ того, какъ онъ, виновникъ смерти Бориса, убійца его жены и сына, поступилъ съ несчастной Ксеніей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Лжедмитрій былъ нестерпимо гордъ. Затмѣвая пышностью всѣхъ своихъ предшественниковъ, онъ величалъ себя именемъ царя царей. Онъ даже разсорился

¹⁾ Масса 172.

²⁾ Масса 172—208.

³⁾ Масса 172—208.

съ королемъ польскимъ Сигизмундомъ II за то, что вопреки совѣтамъ самого воеводы Сандомирскаго принималъ титулъ цезаря и императора. Тѣлохранители должны были становиться на колѣни, когда входилъ къ нимъ царь, или являлась царица. Онъ самовольно принявъ титулъ императора, требовалъ, чтобы его такъ величали не только собственные подданные, но даже и государи иностранные. Это высококомѣрие рядомъ съ крайнею расточительностью и стараніемъ усилить внѣшнюю пышность двора показали въ немъ случайнаго пришельца на престолъ ¹⁾.

Наши хронографы, порицая за все Лжедимитрія, называютъ единственнымъ его добрымъ дѣломъ—возвращеніе изъ ссылки всѣхъ опальныхъ прежняго царствованія. Но эта похвала напрасно воздается Самозванцу. Иванъ Никитичъ Романовъ возвращенъ былъ въ Москву вмѣстѣ съ Иваномъ Черкасскимъ самимъ Борисомъ еще въ 1603 году. По смерти Бориса, тотчасъ по вступленіи его сына Θεодора, возвращены были изъ ссылки всѣ сосланные Борисомъ даже въ царствованіе Θεодора Иоанновича. Жена Годунова не согласилась только на возвращеніе матери царевича Димитрія, которую бояре также хотѣли вызвать. Изъ сосланныхъ многіе успѣли возвратиться при Θεодорѣ Борисовичѣ Годуновѣ. Бѣльскій и Воротыцскій очутились въ Москвѣ еще до приближенія Самозванца къ Тулѣ, прочіе явились въ Москву уже по воцареніи Лжедимитрія. Оттого ему и приписали честь ихъ возвращенія ²⁾.

Сдѣлалось стереотипною фразой повторять, что онъ изумлялъ Думу Боярскую быстрымъ рѣшеніемъ вопросовъ, которые она не могла разрѣшать. Не объясняется ли это просто желаніемъ Самозванца поскорѣе покончить совѣщанія Думы, такъ какъ долго заниматься дѣломъ серьезнымъ онъ былъ не въ состояніи? И въ обычаѣ, и въ духѣ стариннаго и притомъ пожилого боярства было разсуждать не спѣшно, давать каждому время подумать и сказать свое мнѣніе не

¹⁾ Зап. Жолк. ч. 2, стр. 173. Послы польскіе Ольсницкій и Гонсѣвскій, донося о гибели Лжедимитрія, писали: „видю такъ угодно было Богу, нехотѣвшему болѣе терпѣть гордости и надменности этого Димитрія, который не признавалъ себѣ равнымъ ни одного государя въ мірѣ и почти равнялъ себя Богу“. (Русс. Истор. Биб. т. I, стр. 323).

²⁾ Масся, стр. 140.

торопясь. Между тѣмъ, дьяки, докладывая царю о предметахъ совѣщанія Думы, вмѣстѣ съ тѣмъ указывали и на возможное рѣшеніе обсуждаемыхъ дѣлъ; были при немъ умные совѣтники Бучинскій и иезуитъ Ливицкій, которые могли подать мысль къ рѣшенію вопросовъ. Выказывать подсказанное рѣшеніе было не трудно. Можетъ быть и мнѣнія Самозванца порой были основательны, но лесть прославляла ихъ, и онъ самъ увѣренъ былъ въ ихъ мудрости. Изъ царствования Лжедмитрія извѣстны только два заслуживающихъ вниманія приговора Боярской Думы—это о кабакахъ и бѣглыхъ холопахъ. Изложеніемъ этихъ двухъ актовъ обыкновенно начинаютъ исторію Лжедмитрія и воздаютъ ему похвалу за нихъ. Если бы приговоръ боярскій о кабакахъ и бѣглыхъ холопахъ состоялся вскорѣ послѣ вступленія Самозванца въ Москву, было бы основаніе инициативу этихъ законовъ приписать Самозванцу. Со времени вступленія своего въ предѣлы Россіи и до самаго перехода на его сторону войска русское ополченіе его состояло главнымъ образомъ изъ бѣглыхъ холоповъ и кабальныхъ, а потому онъ, узнавъ ихъ положеніе, могъ сознать нужду улучшить его. Но приговоры боярскіе состоялись одинъ въ январѣ, другой въ февралѣ 1606 года, въ то время, какъ Самозванецъ занятъ былъ исключительно заботой, какъ бы вызвать ему изъ Польши Марину Мнишекъ: эта забота, судя по количеству оставшихся послѣ Дмитрія бумагъ, и составляла главный предметъ его государственной дѣятельности.

Нельзя считать справедливымъ мнѣніе, что Лжедмитрій всѣмъ предоставилъ свободно заниматься промыслами и торговлей, такъ какъ закона о свободѣ торговли онъ не издалъ никакого. Сохранилось отъ іюля 17-го 1605 года отписка Смоленскаго воеводы Ромадановскаго къ оршинскому Сапѣгѣ, въ которой говорится, что царь Дмитрій по прежнему договору и перемирнымъ записямъ дозволилъ свободно ѣздить купцамъ по прежнему обычаю. Слѣдовательно, отмѣнялось только временное ограниченіе торговли, происшедшее, вѣроятно, вслѣдствіе учрежденія заставъ послѣ слуховъ о появленіи самозванца до Брянска ¹⁾. Англичане и Голландцы хвалили Лжедмитрія, вѣроятно, потому, что,

¹⁾ Временн. нов. Лѣтоп. стр. 62.

имѣя страсть къ покушкамъ всякаго рода и деньги въ изобиліи для удовлетворенія ей, онъ, не дожидаясь обычнаго осмотра привозимыхъ иностранцами товаровъ, спѣшилиъ покупать ихъ и позволялъ торговать имъ и, такимъ образомъ, дѣлалъ для нихъ торговлю свободною ¹⁾.

Наслушавшись въ Польшѣ толковъ о всеобщемъ христіанскомъ ополченіи противъ турокъ, о которыхъ во всей Европѣ говорили, не приступая къ дѣлу, Лжедимитрій хотѣлъ эту мысль привести въ исполненіе ²⁾; но намѣреніе воевать съ турками конечно не есть свидѣтельство государственной мудрости его. Видно, что онъ не понималъ важности и трудности предпринимаемаго имъ дѣла. Его влекло къ этому предпріятію тщеславіе и жажда приключеній и, можетъ быть, желаніе избавиться отъ трудной обязанности представлять изъ себя въ Москвѣ государя законно наслѣдовавшаго престолъ. Военныя дѣйствія, успѣшно веденныя, могли утвердить его на престолѣ.

Цохитѣтели престола обыкновенно опираются на массу народа и разными льготами стараются привлечь его расположеніе; между тѣмъ Лжедимитрій всѣмъ царствованіемъ не могъ заглушить въ большинствѣ народа доброй памяти о Борисѣ Годуновѣ, не смотря на бѣдствія послѣднихъ годовъ его царствованія. Послы польскіе въ 1608 году говорили боярамъ: „мужикамъ чернымъ при Борисѣ лучше было, нежели при какомъ либо изъ прежнихъ государей, и они ему прямили: многіе изъ нихъ въ порубежныхъ и другихъ многихъ городахъ и теперь жалѣютъ о Борисѣ ³⁾“. Бусовъ также говоритъ по поводу перенесенія гроба Годунова изъ Москвы въ Сергіеву Лавру, что вообще Россіяне жалѣютъ о Борисѣ, и охотно согласились бы видѣть его на престолѣ ⁴⁾.

Не соглашаясь признать перваго Лжедимитрія Отрепьевымъ, г. Костомаровъ считаетъ едва ли не самымъ главнымъ доводомъ своего мнѣнія то, что названный царь Димитрій по своему характеру, понятіямъ, воспитанію и пріемамъ никакъ не могъ быть діакономъ Чудова монастыря.

¹⁾ П. С. Казанскій. Окт. 1877 г. стр. 495.

²⁾ Москов. Трагедія, 40—41.

³⁾ Акт. Зап. Р. т. IV, стр. 282.

⁴⁾ П. С. Казанскій, Р. Вѣстн. т. 10, стр. 496.

Что въ поступкахъ Самозванца должно было обнаружиться недостаточное знакомство съ тѣмъ кругомъ, гдѣ онъ находился,—это необходимое слѣдствіе его первоначальнаго воспитанія и новаго положенія. Діаконъ Чудова монастыря вдругъ очутился царемъ Московскаго государства. Ему не извѣстенъ былъ ни механизмъ управленія государственнаго, ни потребности царства, ни образъ отношенія къ окружающимъ его лицамъ, ни обычаи, ни этикетъ двора, гдѣ уже вѣками утвердились извѣстные условные обычаи при пріемахъ, при выходахъ въ народъ и церковь. Для точнаго исполненія всѣхъ этихъ обычаевъ не достаточно было только видѣть, какъ все это совершалось; нужно съ дѣтства усвоить все это, сродниться съ этимъ по наслѣдству. И всѣ эти обычаи запечатлѣны были характеромъ важнымъ, степеннымъ, такъ несогласнымъ съ природною живостію Самозванца, что онъ никакъ не могъ имъ подчиниться ¹⁾.

Впрочемъ обвиненія Самозванца за неисполненіе обычаевъ русскихъ и постановленій церкви не встрѣчается ни у русскихъ лѣтописцевъ, ни въ грамотахъ. Г. Костомаровъ сдѣлалъ слишкомъ общій выводъ изъ единственнаго свидѣтельства Массы, которое стоитъ только привести, чтобы понять всю слабость его. Масса, самъ не бывшій въ то время въ Москвѣ, рассказываетъ, что когда Димитрій при вступленіи въ Москву приблизился къ церкви Василія Блаженнаго, ему поднесли икону Богородицы, чтобы онъ по обычаю приложился къ ней. Димитрій сошелъ съ лошади, приложился къ иконѣ, но не такъ какъ бы слѣдовало по обычаю, вслѣдствіе чего нѣкоторые монахи, видѣвшіе это, усумнились въ томъ, что онъ дѣйствительно родомъ изъ Москвы, а также и въ томъ, что онъ истинный царь. Объ этомъ они однако не смѣли говорить. Димитрій, обратившій вниманіе на ихъ пристальные взгляды, и, можетъ быть, знавшій этихъ монаховъ, на другой день велѣлъ ихъ умертвить и бросить въ воду ²⁾. Если монахи, замѣтившіе, что Іжедимитрій не такъ прикладывался къ иконамъ, какъ слѣдовало, никому объ этомъ не говорили и на другой день были убиты, откуда Масса узналъ о томъ, что они замѣтили? И можно ли ду-

¹⁾ Ibid. стр. 498.

²⁾ Масса, 159.

мать, чтобы Самозванецъ за одни пристальные взгляды велѣлъ бросить въ воду монаховъ тотчасъ же при своемъ вступленіи въ Москву? Разсказъ этотъ самъ себя обличаетъ въ невѣрности. Смущеніе Лжедмитрія при въѣздѣ вполне естественно. За три года предъ тѣмъ бѣжалъ онъ тайно изъ Москвы, осужденный въ заточеніе, діакономъ. И теперь вступаетъ царемъ въ Москву; высшее духовенство, вельможи встрѣчаютъ его; сотни тысячъ глазъ съ благоговѣніемъ устремлены на него, и во время этого шествія вдругъ вихрь смущаетъ перемонію и въ суевѣрномъ Отрепьевѣ невольно порождаетъ трепеть за будущую судьбу, которая не могла казаться ему надежною. Мудрено ли, что въ эти минуты, встрѣтившись лицомъ къ лицу съ пыльнымъ крестнымъ ходомъ, онъ растерялся и не помнилъ самъ, что дѣлалъ?

Образованіе Отрепьевъ въ монастырѣ имѣлъ для своего времени довольно значительное. Поучившись нѣсколько въ Голѣ и потолкавшись среди пановъ польскихъ, зараженныхъ тогда страстью приводить изреченія и примѣры изъ классическихъ писателей, онъ могъ иногда указывать на примѣры изъ римской и греческой исторіи. Но самъ онъ не зналъ латинскаго языка, какъ говоритъ Маржереть; онъ не могъ ни читать, ни писать, ни говорить по-латыни; онъ не сумѣлъ грамотно подписаться по-латыни императоромъ, при всемъ горячемъ желаніи удержать за собою этотъ титулъ ¹⁾.

Съ польскимъ языкомъ хотя онъ и былъ знакомъ, но не столько, чтобы онъ могъ свободно владѣть польскою рѣчью. Его письмо къ папѣ Клименту VIII отъ 24 апрѣля 1604 года, писанное имъ по-польски и переведенное другимъ лицомъ на латинскій языкъ, кишеть ошибками, почти немислимыми для поляка, по сравненію съ языкомъ современныхъ ему польскихъ изданій. Лжедмитрій не умѣетъ даже подписать свое имя по-польски.

Имя Дмитрій совершенно чуждо польскому языку и въ официальныхъ актахъ поляки кошировали его съ русскаго

¹⁾ Сказанія Соврем. о Самозванцѣ кн. III, 109. Дѣйствительно Самозванецъ вмѣсто imperator подписывался inperator. Когда рѣчь говорили (му по-латыни, то переводчикъ переводилъ ее для Лжедмитрія. Письма, которыя онъ писалъ къ папѣ на латинскомъ языкѣ, были писаны, конечно, іезуитами.—П. С. Казанскій Р. Вѣсти IX кн., 482.

довольно правильно Dimitr; Лжедимитрію это не удавалось: акты на польскомъ языкѣ всѣ подписаны имъ разно—сперва онъ писалъ Dmitr, потомъ Deomitr, позже Demetr и пока наконецъ не замѣнилъ польской подписи латинскою Demetrius ¹⁾. Что касается до привычекъ, то въ молодые годы, особенно при такой рѣзкой перемѣнѣ, какая совершилась въ жизни Отрепьева, новыя привычки легко усваются. Въ землѣ Польской онъ встрѣтилъ другую цивилизацію, болѣе развитую, другой строй жизни, дающій болѣе свободы, чѣмъ на родинѣ, и естественно увлекся новизной. Молодой человѣкъ при перемѣнѣ обстановки жизни скоро можетъ измѣниться такъ, что его трудно и узнать. Но нѣкоторая вѣщная развитость не могла загладить грубости его первоначальнаго состоянія. Карамзинъ справедливо говорить: „Если нѣкоторые изъ людей, ослѣпленныхъ къ Самозванцу пристрастьемъ, находили въ немъ какое то величіе, необыкновенное для человѣка, рожденнаго въ низкомъ званіи, то другіе хладнокровнѣйшіе наблюдатели видѣли въ немъ всѣ признаки закоснѣлой подлости, неизглаженные ни обхожденіемъ со знатными ляхами, ни счастьемъ понравиться Мнишковой дочери. Съ умомъ естественнымъ, легкимъ, живымъ и быстрымъ даромъ слова, знаніями школьника и грамотѣя, соединяя рѣдкую дерзость, силу души и воли, Самозванецъ былъ однакоже худымъ лицедемъ на престолѣ, не только безъ основательныхъ свѣдѣній въ наукѣ государственной, но и безъ всякой сановитости благородной; сквозь великолѣпіе державства проглядывалъ въ царѣ бродяга. Такъ судили о немъ и поляки. Безпристрастный Пясецкій говоритъ: „Лжедимитрій заслужилъ презрѣніе Россіянъ тѣмъ, что не имѣлъ понятія о государственной наукѣ; и бывъ съ юныхъ лѣтъ въ обществѣ людей низкаго состоянія, велъ себя неблагородно безъ всякаго величія“ ²⁾.

Въ сказаніи о началѣ патріаршества въ Россіи и поставленіи въ патріархи Филарета Никитича, гдѣ о главномъ врагѣ Романовыхъ, Борисѣ Годуновѣ, отзываются какъ о заботливомъ и способномъ правителѣ, о Самозванцѣ, мило-

¹⁾ Бильбасовъ. Письмо Дмитрія Клименту. Русск. Стар. 1898 г. Май стр. 340.

²⁾ Карамзинъ т. XI, стр. 183, примѣч. 597.

стивомъ къ Романовымъ, читаемъ такой отзывъ: „царствуя же только едино лѣто и се беззаконно; по вся дни бо ушная и игры творя пустошны, зѣло же гнѣвливъ и яръ показуется и народъ въ немъ же родися и многихъ бѣднѣ житія улиши, къ вѣрѣ христіанской никакоже прилежа, но и зѣло ругаяся, и спроста рещи, яко ни что же православія царствію достойно ни рекъ, ни сотвори 1).

Быль ли Лжедимитрій католикомъ? Даже такой существенно важный вопросъ возбуждалъ до послѣдняго времени сомнѣнія и рѣшался по догадкамъ различно. Костомаровъ предполагалъ, что первый Лжедимитрій никогда не переходилъ въ „латинство“. Передавая извѣстіе о томъ, что Лжедимитрій, будучи въ Краковѣ „пришелъ въ іезуитскій домъ ради принятія римско католической вѣры, а потомъ отъ нунція былъ причащенъ Св. Тайнъ и помазанъ миромъ въ утвержденіи вѣры“ прибавляетъ: „сказаніе это болѣе чѣмъ сомнительно“; излагая сущность второго письма Лжедимитрія къ папѣ Клименту VIII, отъ 30 іюля 1604 года, Костомаровъ заключаетъ: „Въ письмѣ не было ни явнаго принятія католичества или униі, ни положительнаго обѣщанія за свой народъ. Все ограничивалось двусмысленными изъясненіями расположенія; католики могли толковать его къ своей выгодѣ такъ, какъ будто Димитрій уже принялъ католическую вѣру; Димитрій оставлялъ возможность на будущее время оставаться съ одною терпимостью римско-католическаго вѣроисповѣданія, не давая ему исключительнаго первенства 2).

Костомаровъ имѣлъ право, конечно, не придавать особаго значенія словамъ извѣстной грамоты царя Василія Іоанновича, что „умысль злодѣйской растриги Гришки былъ разорити истинная православная христіанская вѣра, а учинити во всемъ Московскомъ государствѣ римская вѣра“, но онъ не могъ игнорировать показанія Станислава и Яна Бучинскихъ, „бывшихъ въ приближеніи“ у Лжедимитрія, что этотъ громко заявлялъ: „въ римскую вѣру скоро всѣхъ приведу, велю костелы римскіе ставить, а въ церквахъ русскихъ цѣти

1) Доп. къ Ак. Ист. т. 2 № 76.

2) Костомаровъ. Смутное время Московскаго государства. I, стр. 102 и 123.

не ведю“¹⁾. Костомаровъ долженъ былъ знать, что письмо Лжедмитрія къ папѣ отъ 30 іюля было уже второе, такъ какъ о первомъ, посланномъ въ апрѣлѣ, упоминаетъ Велевицкій. Между тѣмъ во второмъ письмѣ излишне было упомянуть о „принятіи католичества“, когда этому именно посвящено все первое письмо отъ 24 апрѣля.

Велевицкій сообщаетъ въ своей исторіи, что первое письмо Лжедмитрія къ папѣ Клименту VIII было писано между 17 и 24 числами апрѣля 1604 года, изъ Кракова, по-польски и другими переведено на латинскій языкъ. Нунцій Рангони доносилъ отъ 24 апрѣля 1604 года: „онъ далъ мнѣ собственноручно имъ писанное и подписанное по-польски письмо къ его святости, прося меня извинить дурной почеркъ и не складность и переслать его, при чемъ нунцій сообщаетъ, что приложенный латинскій переводъ сдѣланъ о. Савицкимъ. Этотъ латинскій переводъ былъ впервые изданъ въ 1877 году о. Перлингомъ, членомъ Общества Иисуса, въ его произведеніи „Rome et Demetrius“: впоследствии ему же посчастливилось найти польскій оригиналъ: при чемъ оказалось, что сдѣланный о. Савицкимъ переводъ неточенъ и неполонъ“²⁾.

Этотъ, говоритъ В. А. Бильбасовъ, польскій оригиналъ письма Лжедмитрія къ Клименту VIII очень характеренъ. Мы находимъ очень много исправленій и поправокъ въ правописаніи, изъ которыхъ одніе сдѣланы во время самаго писанія, другія послѣ написанія письма: затѣмъ пишущій очень часто ставитъ прописныя буквы въ срединѣ слова, нѣкоторыя буквы принимаютъ церковно-славянскій видъ. Отсюда ясно, что писавшій письмо не имѣлъ навыка въ польскомъ письмѣ. Но этого мало. Нѣкоторыя буквы взяты писавшимъ изъ греческой азбуки, которой въ Польшѣ нельзя было научиться. Иногда попадаютъ титла, которыя суть отличительный признакъ только русскаго письма. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пишущій вмѣсто латинскихъ буквъ употребляетъ

1) Собр. Госуд. Грм. II, 297, 298, 309. Въ записи Лжедмитрія отъ 25 мая 1604 года онъ категорически заявляетъ: „станемъ о томъ накрепко промыслиати, чтобъ все государство Московское въ одну вѣру Римскую всѣхъ привести, и костебыль римскіе устроить ibid стр. 161.

2) В. А. Бильбасовъ. Р. Старина, Май, 1898 г., стр. 306.

еть русскія. Прежде всего, что приходитъ на мысль, это, что лицо, писавшее письмо, имѣло хорошую практику въ московскомъ письмѣ и было знакомо съ азбукой греческой. Выводъ же, слѣдующій изъ этихъ фактовъ, таковъ: составитель письма на польскомъ языкѣ и переписчикъ письма—двѣ разныя личности. Письмо было составлено кѣмъ-то, кто прекрасно владѣлъ этимъ языкомъ, а переписано человѣкомъ, который едва умѣлъ писать по-польски. Обнаруживается такой процессъ: человѣкъ, знавшій прекрасно польскій языкъ, составилъ письмо, но такъ какъ необходимо было, чтобы Лжедмитрій собственноручно написалъ его, то онъ своей рукой переписалъ составленное письмо и, не умѣя писать по-польски, дѣлалъ ошибки во время писанія; нѣкоторыя ошибки ему исправили послѣ писанія, но все-таки Лжедмитрій наставилъ еще русскихъ и греческихъ буквъ, которыя трудно было исправить.

Одни эти особенности письма категорически опровергаютъ нелѣпую сказку, будто Лжедмитрій былъ креатурой иезуитовъ и поляковъ: ученикъ иезуитовъ сѣумѣлъ бы написать папѣ письмо на латинскомъ языкѣ, ставленникъ поляковъ не сдѣлалъ бы столь грубыхъ ошибокъ въ польскомъ, даже до замѣны польскаго N русскимъ Н. ¹⁾ Слѣдовательно. Лжедмитрій былъ человѣкъ русскій, хорошо знавшій московское письмо того времени и вмѣстѣ съ тѣмъ знавшій польскій языкъ, но неумѣвшій на немъ писать. Содержаніе письма еще характернѣе языка его. Смыслъ содержанія не оставляетъ уже ни малѣйшаго сомнѣнія относительно вѣроисповѣднаго вопроса. Подлинное письмо съ сохраненіемъ характерной орфографіи напечатано В. Бильбасовымъ въ майской книжкѣ Русской Старины за 1898 годъ, а переводъ его таковъ:

Святѣйшій и благословенный во Христѣ отецъ! Высокопреподобный посоль Вашего Святѣйшества при наисвѣтлѣйшемъ польскомъ королѣ, которому я довѣрилъ все свои приключенія, извѣститъ Ваше Святѣйшество о томъ, кто есть тотъ, который дерзаетъ писать Вашему Святѣйшеству. Убѣгая отъ тирана и спасаясь отъ смерти, отъ которой Господь Богъ чуднымъ своимъ Промысломъ предохранилъ

¹⁾ Р. Старина, Май, 1898 года, стр. 307.

меня въ дѣтствѣ, я пребывалъ сперва нѣкоторое время въ самомъ Московскомъ Государствѣ, среди монаховъ, потомъ въ предѣлахъ польскихъ, не узанный и скрывающійся. Пришло время, когда я долженъ былъ открыться и, призванный къ наисвѣтлѣйшему королю Польскому, я, познавъ католическое богослуженіе св. римской церкви, нашелъ, по милости Божіей, вѣчное и лучшее царство, чѣмъ то, которое у меня похитили. Ибо, заботясь о душѣ своей, я созналъ, до какой степени и въ какомъ опасномъ отщепенствѣ и въ какой схизмѣ греческой, внѣ церковнаго единенія, находится все Московское царство и какъ ложно толкуютъ греки незапятнанный и древній догматъ вѣры христіанской и апостольской римской церкви, и тогда я, по незаслуженной милости Божіей, воссоединился сердцемъ съ этимъ догматомъ и единствомъ католической церкви, и, укрѣпленный церковными таинствами, я сталъ ничтожнѣйшею овечкою Вашего Святѣйшества, наивысшаго пастыря всего христіанскаго міра. Хотя я долженъ скрываться, въ ожиданіи, что сотворить со мною Господь Богъ, спасшій меня отъ такого злаго рока, я надѣюсь, что Онъ возведетъ меня на прародительскій и древній тронъ, принадлежащій мнѣ и по крови царей Московскихъ, если такова Его Божья воля, Которой я вполне подчиняюсь. Если жъ не такова Его святая воля и Его намѣреніе, я и тѣмъ уже доволенъ, что позналъ католическую истину и вошелъ въ спасительное единеніе съ церковью Божіей, которое приведетъ меня въ вѣчное царство. Откроетъ ли Господь Богъ мнѣ путь къ столицѣ, составляющей мое наслѣдіе; возрѣтъ ли на правоту мою и на мое приниженіе, я покорно прошу не лишать меня Вашего, отецъ всѣхъ овецъ Христовыхъ, попеченія и помощи. Господь Богъ черезъ меня негоднаго можетъ распространить свою славу обращеніемъ заблудшихъ душъ, и присоединеніемъ къ церкви своей—великихъ народовъ. Кто знаетъ, зачѣмъ Господь Богъ меня такъ охранялъ и привлекъ и привязалъ къ своей церкви? Цѣлуя ноги Вашего Святѣйшества, какъ-бы Самого Христа, съ покорнымъ и низкимъ поклономъ приношу Вашему Святѣйшеству, какъ высочайшему пастырю и отцу всего христіанскаго міра, свое послушаніе и подчиненность. Дѣлаю это тайно и, ради важныхъ причинъ, покорно прошу Ваше Святѣйшество о сохраненіи

этого въ тайнѣ. Данъ въ Краковѣ, 24 апрѣля 1604 года, Вашего Святѣйшества нижайшій слуга Димитрій Ивановичь, царевичь великой Россіи и наслѣдникъ владѣній Московскаго монарха“.

Итакъ мы видимъ, что въ этомъ письмѣ заключается отреченіе отъ православія, удостовѣреніе въ принятіи католичества и обѣщаніе введенія послѣдняго въ Московскомъ государствѣ. Такимъ образомъ, это письмо есть нѣкоторое обязательство. Понятно само собой, что обѣ стороны—и иезуиты, и Лжедимитрій стремились обставить дѣло, какъ можно точнѣе. Лжедимитрій не могъ знать, что отъ его имени пишутъ отцы иезуиты въ латинскомъ письмѣ, такъ какъ латинскаго языка онъ не зналъ. Съ другой стороны, иезуиты желали, чтобы это обязательство было собственноручно написано. Они основательно могли бояться впоследствии обвиненія въ подлогѣ или въ неточности передачи словъ Лжедимитрія. Собственноручное письмо съ такой подписью устраняло всякія недоразумѣнія, такъ какъ переводъ всегда могъ быть сличенъ съ подлинникомъ, да и собственноручная подпись, конечно, имѣла уже непререкаемую силу обязательства. Вотъ почему въ Римъ и были посланы вмѣстѣ и собственноручное письмо Лжедимитрія на польскомъ языкѣ и переводъ, сдѣланный иезуитами на латинскій языкъ.

Положеніе Лжедимитрія въ Краковѣ было критическое. Одинъ, безъ всякихъ средствъ, кромѣ дерзкой энергіи и упрямой воли, безъ всякихъ правъ, кромѣ затаеннаго недовольства русскихъ людей, безъ пособниковъ, безъ всякой поддержки, Лжедимитрій постучался у вратъ католической церкви и письмомъ къ папѣ ступилъ на вѣрный и, въ его положеніи, единственно надежный путь.

Это письмо Лжедимитрія произвело въ Ватиканѣ чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе. Папы не тайли своихъ цѣлей относительно Московіи, какъ въ то время называли Россію, и не имѣли нужды скрывать свои планы. Просвѣтить Россію свѣтомъ истиннаго христіанскаго ученія въ духѣ римско-католической церкви и поставить затѣмъ Россію во главѣ новаго крестоваго похода противъ турокъ для окончательнаго изгнанія ихъ изъ Европы—вотъ папская политика того времени относительно православной Руси. Лжедимитрій, долго жившій по монастырямъ, даже въ Москвѣ

и Кіевѣ, двухъ политическихъ центрахъ, зналъ эту политику и въ бесѣдѣ съ папскимъ нунціемъ при польскомъ дворѣ, архіепископомъ Рангони, онъ не только апробовалъ папскую политику, но не двусмысленными намеками, а очевидными для нунція дѣлами, и прежде всего отреченіемъ отъ православія и принятіемъ католичества, рѣшительно принималъ на себя выполнение главнѣйшей задачи Рима для достиженія цѣли, папствомъ преслѣдуемой ¹⁾).

Климентъ VIII и Павелъ V нималѣйше не сомнѣвались, что имѣютъ дѣло съ несчастнымъ претендентомъ, а не съ наглымъ самозванцемъ. Не только папа, поставленный вѣдъ возможности опредѣлить самоличность автора письма, но и папскій нунцій въ Польшѣ даже не приступалъ къ изслѣдованію, дѣйствительно ли появившійся претендентомъ сынъ Ивана IV Грознаго; римское духовенство вполнѣ удовлетворялось въ этомъ случаѣ взглядами и рѣшеніями свѣтской власти съ польскимъ королемъ во главѣ—все признаютъ претендента царевичемъ Дмитріемъ, признаетъ его такимъ и римская курія.

Обращаетъ на себя вниманіе языкъ письма; претендентъ на русскій престолъ, человекъ, выдающій себя за „царевича великой Россіи и наслѣдникомъ владѣній Московской монархіи“ пишетъ папѣ письмо на польскомъ языкѣ. Почему не на русскомъ? Для папы, конечно, безразлично требовался латинскій переводъ, какъ русскаго, такъ и польскаго письма; но для Лжедмитрія было въ высшей степени важно скрыть содержаніе письма и даже самый фальтъ переписки съ папою отъ немногихъ русскихъ, находившихся въ то время въ Краковѣ. Къ тому же изъ приближенныхъ къ Лжедмитрію лицъ католическаго духовенства, большинство составляли поляки; о. Савицкій, напримѣръ, могъ въ случаѣ затрудненія, даже помочь ему въ изложеніи польской рѣчи; между тѣмъ какъ переводъ для папы русскаго письма на латинскій языкъ затруднилъ бы, вѣроятно, даже того же о. Савицкаго. Позже Лжедмитрій переписывался съ Римомъ не на польскомъ языкѣ и второе его письмо къ папѣ, уже Павлу V, писано на латинскомъ языкѣ.

Несомнѣнно, что Лжедмитрій хотѣлъ ввести унію въ

¹⁾ Рус. Старина, Май 1898 года, стр. 308.

русской церкви. При многочисленныхъ указаніяхъ и на это намѣреніе получаетъ особую цѣну отвѣтъ Юрія Мнишка боярамъ. „Зачѣмъ, спрашивали Мнишка бояре, склоняль Самозванца ко униі?“ „Это угодно было покойному“, отвѣтилъ Мнишекъ, „помимо всякаго съ моей стороны совѣта. Онъ видѣлъ, что она существуетъ въ Польшѣ и въ Руенъ безъ малѣйшей отмѣны богослуженія; по этому пожелалъ и свое государство соединить съ государствами христіанскими, потому что это можно сдѣлать безъ нарушенія греческаго богослуженія и къ великой радости всему христіанству“. Выгоды политическія отъ введенія униі дѣйствительно Самозванецъ могъ получить, имѣя на своей сторонѣ патріарха и видя значительный успѣхъ униі въ польскихъ владѣніяхъ. Самозванецъ могъ надѣяться въ Россіи ввести безъ большого сопротивленія унию.

Но при всемъ томъ, Лжедмитріи зналъ обычай и правила и обряды православной церкви, хранилъ ихъ, сколько требовало приличіе; со стороны русскихъ не раздавалось обвиненій на неисполненіе имъ церковныхъ обрядовъ. Посты онъ соблюдалъ, что видно какъ изъ описанія обѣдовъ, устроаемыхъ имъ въ постные дни, такъ и изъ того, что для будущей жвны своей онъ признавалъ нужнымъ сохраненіе поста въ среду и разрѣшеніе на мясо въ субботу, согласно съ предписаніями православной церкви ¹⁾. Какъ на нарушеніе церковныхъ правилъ указываютъ на то, что свадьба Лжедмитрія съ Мариной была въ четвергъ наканунѣ Николина дня. Но въ русской церкви не было установленнаго твердо правила, когда можно вѣнчать браки и когда нельзя. Въ греческой существуетъ относительно времени совершенія браковъ общее предписаніе соблюдать посты. Прямо запрещается вѣнчать браки только въ Великую Четыредесятницу; есть указаніе, что это запрещеніе относилось къ постамъ Рождественскому, Успенскому и Св. Апостоловъ. Что въ четвергъ совершались браки не одного Самозванца, видно изъ того, что бракъ царя Іоанна въ 1547 году былъ въ четвергъ 3 февраля ²⁾. Въ половинѣ XVII вѣка находимъ запрещеніе вѣнчать свадьбы четыре дня въ недѣлю: въ поне-

1) П. С. Казанскій, Русскій Вѣстникъ 1877 г. X, 500 и слѣд.

2) Древн. Росс. Вѣбл. XIII, стр. 29—36.

дѣльникъ, среду, пятницу и субботу ¹⁾). Слѣдовательно, четвергъ тогда считался законнымъ днемъ для совершенія брака. Нарушенъ ли обычай церковный въ томъ, что свадьба была наканунѣ Николина дня, мы не можемъ положительно отвѣтить. Только во второй половинѣ XVIII вѣка вслѣдствіе указаннаго въ 1775 году Императрицей Екатериной ²⁾ разногласія въ церковной практикѣ относительно дней, когда можно разрѣшить браки, составлены были правила, по которымъ запрещено вѣнчать браки во всемъ году въ воскресные дни, также на среды и пятки, на всѣ двенадцатые праздники и сверхъ того, на дни въ народѣ особливо прославленныхъ святыхъ, въ числѣ ихъ Святителя Николая. Но праздникъ Святителя Николая 9 мая въ народѣ менѣе чувствуется, чѣмъ день памяти его 6-го Декабря. Иностранцы высказываютъ, что русскіе будто недовольны были тѣмъ, что въ Николинъ день Лжедмитрій устроилъ брачный пиръ, чего будто не слѣдовало дѣлать по обычаямъ русскихъ ³⁾.

Патріархъ Гермогенъ обвинялъ Лжедмитрія въ томъ, что онъ дозволялъ входить въ храмы православныя католикамъ и лютеранамъ и что онъ обвѣнчался съ Мариной Мнишекъ католичкой, крещеніемъ не присоединивъ ее къ православной церкви. Но строгій взглядъ патріарха Гермогена не былъ выраженіемъ правилъ и обычаевъ русскихъ. Что допущеніе иностранцевъ въ храмы православныя не считалось оскверненіемъ ихъ, видно изъ того, что царь Иванъ Васильевичъ самъ предлагалъ Посевину присутствовать при богослуженіи. При переговорахъ пословъ польскихъ съ русскими боярами въ 1608 году указывается, что поляковъ обвиняли не за то, что они входили въ храмы православныя, а за то, что они имѣли при себѣ оружіе въ церкви и вели себя не благоговѣнно.

— Итакъ, говоритъ П. С. Казанскій, утверждать, что Самозванецъ умышленно нарушалъ обряды православной церкви—нѣтъ основанія ⁴⁾.

¹⁾ Акт. Эк. IV № 334 стр. 497.

²⁾ Собр. Зак. № 12, 408.

³⁾ Русск. Вѣст. 1877 г. X, стр. 504.

⁴⁾ Русск. Вѣстн. 1877 г. X, 502.

Остается устранить еще одно возраженіе, какъ могъ бѣглый монахъ Чудова монастыря, чрезъ три года послѣ выхода изъ монастыря, явиться храбрымъ воиномъ, лихимъ наѣздникомъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ историкъ Карамзинъ. Возраженіе, что келія не производитъ витязей, лишеть онъ, уничтожается исторіей юности Отрепьева. Одѣваясь инокомъ, не вель ли онъ жизни смѣлаго дикаря, скитаясь изъ пустыни въ пустыню, учась безстрашію, не боясь въ дремучихъ лѣсахъ ни звѣрей, ни разбойниковъ и наконецъ самъ бывъ разбойникомъ подъ хоругвей казаковъ дѣлпроваскихъ? 1)

Живя у Вишневецкихъ, Отрепьевъ, по словамъ Петра, учился владѣть конемъ и мечемъ, скакалъ, стрѣлялъ, билъ, рубилъ, участвовалъ въ играхъ воинскихъ. И какъ было не выучиться Отрепьеву владѣть оружіемъ, когда онъ около двухъ лѣтъ прожилъ среди поляковъ, у которыхъ фехтованіе, ѣзда верхомъ составляли одно изъ главныхъ упражненій. При своемъ отважномъ смѣломъ характерѣ, обладая физическою силой и ловкостью, онъ съ особеннымъ усердіемъ, конечно, усвоилъ себѣ эти знанія, такъ необходимыя въ предпріятіи, которое онъ затѣвалъ. Далѣе, годъ воинской компаніи дѣлаеть изъ простаго крестьянина хорошаго солдата: Отрепьевъ цѣлый почти годъ сражаясь за престолъ, могъ усвоить себѣ навыкъ къ воинскому ремеслу. Впрочемъ, не встрѣчается извѣстій, чтобы онъ выказалъ способности полководца и, даже особенно отважнаго воина.

Итакъ дѣянія и характеръ перваго Лжедмитрія таковы, какихъ можно было ожидать отъ сбросившаго съ себя санъ монаха и діакона Григорія Отрепьева.

Д. Лавровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

1) Истор. Рос. Росс. т. XI, стр. 300.